

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Йошкар-Ола)

ИСТОРИЯ МАРИЙСКОГО ПИСЬМА. ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

Резюме. Автор полемизирует с И. Г. Ивановым. Поправки и дополнения касаются таких проблем, как оценка этапов развития марийского литературного языка, решения и дискуссии по вопросам орфографии, принципы орфографии, заимствования, слитное и раздельное написание и т.д.

Во втором номере журнала LU за 2003 год (с. 112—117) опубликована статья «Вопросы марийского письма. История и современность», автор которой И. Г. Иванов еще раз изложил свою точку зрения на многие вопросы развития и истории марийского письма, а также на пути его дальнейшего совершенствования. Считаю своей обязанностью проанализировать некоторые общие и частные вопросы марийского письма, затронутые в статье, и дополнить ее новыми сведениями.

Зачатками марийской письменности на базе кириллицы в ее русском варианте являются стихи учащихся Казанской новокрещенской школы (1769) и казанских семинаристов (1782, 1795). Они представляют собой марийскую речь, записанную носителями языка и служившую в известной степени средством общения. Привлеченные во второй половине XVIII века к собиранию лексического материала для «Сравнительного словаря всех языков и наречий» П.-С. Палласа образованные марийцы Тихон Васильев, Иван Рябинов, Егор Попов, Никита Овчинников и другие представляли сведения на основе русской графики.

В 1775 г. увидела свет первая грамматика марийского языка, автор которой Вениамин Пуцек-Григорович использовал существовавшие в то время русские буквы. В первой половине XIX века было опубликовано семь христианских сочинений, переведенных марийцами на родной язык с использованием русского алфавита. В 1837 г. на русской графической основе вышла «Черемисская грамматика» марийского миссионерского просветителя Андрея Альбинского. Все эти издания имели прежде всего прикладное значение и надо полагать, широко применялись на практике, а потому способствовали дальнейшему совершенствованию марийского языка.

Не следует забывать, что факты марийского языка преимущественно лексического характера представлены голландским географом Н. К. Витсенем (1692 г., 6 слов), немцем Д. Г. Мессершмидтом (I половина XVIII в., 11 слов), пленным под Полтавой шведом Ф.-И. Страленбергом (1730 г., 15 слов). Все эти марийские слова записаны латиницей. В середине XVIII века член Санкт-Петербургской Академии наук И. Э. Фишер значительное количество марийских слов зафиксировал латиницей, другой член этой академии Г. Ф. Миллер собранное им большое количество марийских слов представил на основе латиницы, а при переиздании

— на основе кириллицы. В его книге приводится перевод на марийский язык молитвы «Отче наш», но перевод этот можно оценить как фантастически искусственный. В 1845 г. М. Кастрен издал на латинском языке грамматику марийского языка, в 1847 г. Ф. Видеман — на немецком языке, в 1864—1865 гг. Й. Буденц опубликовал исследование по лексике марийского языка на венгерском языке.

Отдавая должное названным ученым, следует сказать, что в их работах, преследовавших сугубо научную цель, фиксировались различные сведения о марийском языке путем использования более или менее точной фонетической транскрипции, основанной на латинском алфавите. Однако порою слова при записи передавались собирателями языкового материала, не осведомленными в звуковом строе марийского языка, настолько искаженно, что узнать их без перевода нельзя. Следует иметь в виду также, что эти работы в большинстве своем оставались для марийцев, в то время неграмотных или в лучшем случае полуграмотных, неизвестными, поэтому едва ли оказывали влияние на речевую практику марийского языка. Они непосредственно не были связаны с выработкой марийской письменности на основе русского алфавита, хотя и не помешали этому процессу.

Что же касается того вклада латинизированного марийского алфавита «в дело становления марийского письма на первоначальном этапе» (см. Иванов 2003 : 113), следует заметить, что, хотя некоторые специфические марийские звуки передавались буквами *ö, ï, ä*, обозначающими гласные переднего ряда, нет разумных оснований говорить о достаточно весомом его вкладе.

Нет и доводов утверждать, что «большая часть записей иностранных путешественников была переведена на русский язык и тем самым оказала самое непосредственное влияние на формирование марийской письменности на основе кириллицы» (см. Иванов 2003 : 113). Лишь работа члена Санкт-Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллера переведена на русский язык (Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков..., Санкт-Петербург 1791). Знакомство с материалами Г. Ф. Миллера, приведенными О. А. Сергеевым в книге о рукописных марийских словарях «Тошто марий мутер-влак» (Йошкар-Ола 2000), не позволяет утверждать, что они оказали непосредственное влияние на формирование марийской письменности на основе кириллицы.

«При более благоприятном стечении обстоятельств латинский алфавит вообще мог бы стать графической основой марийского письма и вполне успешно обслуживать марийский язык. Помешало этому вмешательство в марийскую историю православного миссионерства», — размышляет И. Г. Иванов (2003 : 113). Дело не в активизации миссионерской деятельности православной церкви, а в том, что вопрос, связанный с марийским письмом, нельзя рассматривать как чисто языковедческую проблему — необходимо учитывать территориально-административный аспект, географические особенности, социально-экономические и другие связи марийского народа с другими народами. Именно это благоприятное стечение обстоятельств и, разумеется, традиция самостоятельно выработавшегося письма позволили прочно утвердиться в марийской письменности русской графической основе. Тем не менее никто из современных исследователей марийского языка не вычеркивает латинский вариант из истории марийской письменности.

Следует внести поправки в рассуждения И. Г. Иванова (2003 : 113) об алфавите грамматики 1775 г.: 1) диграф *iö*, обозначавший в русском языке ударный гласный *o* после мягкого согласного перед твердым согласным (т. н. третья лабиализация гласного *e*), заимствован из русского письма и служил для передачи не только мар. *ö* (*miörb* 'клубника'), но и *ы* после мягкого согласного (*voliók* 'скот'), и звукосочетания *йö* (*iömak* 'сказка'); 2) привнесенная в марийское письмо буква *g* обозначала одновременно смычно-взрывной заднеязычный звонкий согласный *g* (*menge* 'столб'), фрикативный *ɣ* (*aga*, ср. совр. *шошо ага* 'весенний сев'), а в сочетании с согласным *n* передавала заднеязычный носовой *ŋ* = *ɲ* (*onga* 'доска').

Граматики 1775 г. и 1837 г. базировались на разных диалектах (первая — на йошкар-олинском, вторая — на горном). По мнению И. Г. Иванова, в то время «письменность была единой для обоих диалектов, она была нацелена на общенародное использование» (2003 : 113). Нельзя согласиться с данным суждением. Еще Г. Ф. Миллер считал, что горные и луговые марийцы между собой «в речах и разуметь не могут» (см. Патрушев 1958 : 8). Хотя грамматика 1837 г. представлена как учебное пособие для марийских классов Казанского и Чебоксарского уездных училищ, едва ли можно поверить, что она, непонятная луговым марийцам, могла использоваться учителями казанских уездных училищ. Так что с возникновением марийской письменности наметились два ее варианта — луговой и горный. Обвинять переводческую комиссию при братстве св. Гурия, внесшую, кстати, значительный вклад в общее дело совершенствования марийской письменности, и «церковные власти, добивавшиеся языкового и культурного разъединения покоренных народов» (см. Иванов 2003 : 113), в создании двух вариантов марийской письменности у нас, современных исследователей марийских языков, нет разумных оснований.

В освещении деятельности переводческой комиссии (конец 60-х годов XIX века) необходимо внести поправки.

1. Автором введенных в марийский алфавит букв *ö, ü, n* не является марийский миссионерский просветитель Г. Я. Яковлев. Эти буквы заимствованы из алфавита, составленного в 40-х годах XIX века представителями Алтайской духовной миссии, выпустившими в Казани грамматику алтайского языка.

2. Утверждается, что переводческая комиссия разработала принципы марийского письма и в основу его орфографии был положен фонетический принцип. Нужна существенная корректировка. Переводческая комиссия, кроме использования в текстах букв *ö, ü, n, ä*, ничего нового в марийское письмо не внесла. Она довольствовалась тем, что было сделано в предшествующий период его развития. Переводчики и составители букварей по наитию догадывались, что в написании слов *сорла* 'серп', *тар* 'просо', *нур* 'поле' и им подобных использовано лишь исходное, т. е. алфавитное значение букв.

В отношении букв *я, ю, е, ё* (последняя у П. П. Ерусланова) переводческая комиссия руководствовалась т. н. слоговым принципом, уже известным в марийском письме и заимствованным из русского письма: *южо* 'некоторые', *яндар* 'чистый', *шоляй* 'младший браток', *Оксуня, енгай* 'сноха', *кае* 'иди', *нале* 'он взял' (примеры Г. Я. Яковлева из «Букваря для луговых черемис», Казань 1873), *ниятташ* 'гладить', *нангая* 'унесет', *Юмо* 'Бог', *пуля, турня* 'журавль', *озя* 'хозяин', *Катя, ёл* 'нога', *шолё* 'младший брат'; *колё* 'он услышал' (примеры П. П. Ерусланова из «Букваря для восточных черемис», Казань 1892). В употреблении буквы *е*, однако, наблюдается разнობой.

Принцип орфографии у членов переводческой комиссии и составителей букварей не чисто фонетический. В основе марийской орфографии еще в грамматике 1775 г. лежали два принципа — морфологический (морфемный) и фонетический, что позволяло переводческой комиссии вполне удовлетворительно отражать особенности марийской фонетики на письме: *кид* [кит] 'рука' — *кидым* 'руку', *код* [кот] 'оставайся' — *кодаш* 'оставаться', *йүдге-кечыге* [йүткэ-кэчыгэ] 'денно и ночью'; *кайза* 'уйдите' — *модса* 'играйте', *лүмжө* 'его имя' — *шомакше* 'его слово'. Правда, иногда единообразие в реализации принципов орфографии нарушалось.

Утверждение И. Г. Иванова (2003 : 113) о том, что переводческая комиссия установила раздельное написание послелогов, дефисное оформление суффиксов множественного числа *-влак* и *-шамыч*, следует уточнить. В написании послелогов наблюдался опять-таки разнობой. Так, Г. Я. Яковлев в «Букваре для луговых черемис» допускал и *окса дэне* 'с деньгами', и *шовнь-дэне* 'с мылом', то же наблюдается и в «Букваре для луговых черемис» (1893) — в написании отрица-

тельных частиц, употреблявшихся при глаголах: *ом кай* 'не иду' и *от-тое* 'не прячешь', *огеш-шорт* 'не плачет'. Полуслитное (дефисное) написание было заимствовано, бесспорно, из практики русского письма. Дефисное оформление суффиксов множественного числа *-влак* и *-шамыч* на втором этапе развития марийского письма (по И. Г. Иванову (2003 : 113), 70-е годы XIX в. — 1917 г.) действительно почти утвердилось. Кстати, отголоски старого спора о слитном или полуслитном написании этих суффиксов доносились при упорядочении орфографии в 2003 г.

Существенным дополнением ко второму этапу истории марийского письма является то, что правописание конечных безударных гласных, в общих чертах правильное в грамматике 1775 г., в «Букваре для восточных черемис», составленном в 1892 г. П. П. Еруслановым на основе изучения своего, восточного наречия, получило вид строгой закономерности: конечный безударный гласный в произношении уподобляется по ряду и огубленности-неогубленности ударному гласному (*кукишо* 'сухой', *шокишо* 'теплый'; *кѳкишѳ* 'высокий', *шѳртньѳ* 'золото'; *таче* 'сегодня', *пече* 'изгородь', *пире* 'волк', *шыде* 'злой'). Кстати, эта живая восточно-марийская ассимиляция гласных, позднее названная лабиальной (губной) гармонией, принята в наше время в качестве орфографической нормы современного лугово-восточного марийского языка, хотя на основной территории лугового наречия в последнее время это явление перестало быть живой фонетической закономерностью, и в конце безударного слога, как и в горномарийском языке, уржумских и других говорах лугово-восточного марийского языка, произносится т. н. редуцированный (сверхкраткий) гласный *ы* (*кукышы, кѳкышы, пемы*), что отражено даже в вышедшем в 1893 г. «Букваре для луговых черемис» (*муны* 'яйцо', *полты* 'солод', *шѳргы* 'нитка', *тышты* 'здесь', *кармы* 'муха').

В букварях для луговых и восточных марийцев (1893, 1905) буквы *ф, х, ц, щ* нашли применение в заимствованных словах, связанных с православной религией (*Херувимъ, Серафимъ, Императрица, священникъ*).

И. Г. Иванов (2003 : 114) утверждает, что на третьем этапе развития марийской письменности (1918—1937) «был сделан самый значительный шаг в ее развитии». Здесь необходимы уточнения. Вплоть до начала 1937 г. развитие письма не носило поступательного характера, лишь Первая языковая конференция (январь 1937 г.) в известной степени скорректировала тенденцию развития марийского письма.

Одной из особенностей этого этапа, по мнению И. Г. Иванова, является «сильная, нередко чрезмерная, фонетизация письма» (2003 : 114). (Под этим авторским термином понимается, как можно догадаться, замена йотированных букв сочетаниями *йа, йу, йэ* и *-ба, -бу, -бэ*, а также что произношение полуграммотной или вовсе неграммотной массой марийского населения заимствованных слов с *ф, х, ц, щ* должно быть оформлено на письме). В сущности же, процесс фонетизации начался не в 1918—1937 гг., а раньше. Так, в «Букваре для луговых черемис» (1893), «Букваре для восточных черемис» (1905) и на страницах журнала «Марла календарь» (1907—1913) засвидетельствованы *кайат* 'идут', *нойэнам* 'я устал', *йэчы* 'лыжи', *йуж* 'воздух', *йанлык* 'зверь', *койа* 'жир', *Английашкы* 'в Англию', *айзья* 'ребенок', *ньэмыч* 'немец', *ньэфть, пранцуз, порма* 'форма', *шкан*. Написание типа *кийар* 'огурец', *парньа* 'палец' и т. п. вызвано влиянием авторитетного труда М. Веске «Исследования о наречиях черемисского языка» (Казань 1889), в котором марийские примеры представлены в фонетической транскрипции.

Позднее фонетизация набрала значительную силу. Так, в решении II съезда работников просвещения (1925), которое можно считать первым кратким сводом (правда, примитивным) правил марийского письма, записано: в заимствованных словах буквы *ф, х, ц, щ, е, ю, я, ѳ* нужно использовать в случаях крайней необходимости; вместо *ц* нужно писать *ч, с, тс* (*цепь* — *чеп, редакция* — *редакций, революция* — *рэволѳтсий*), вместо *ф* — *п*, (*фонарь* — *понар, Франция* — *Прансий*),

вместо *х* — *к*, *г* (*холера* — *калэр*, *соха* — *шога*), вместо *щ* — *ш* (*щетка* — *шотко*), вместо *е*, *ю*, *я* — *йэ*, *иу*, *йа*; в некоторых словах можно оставлять русское написание (*Чехов*, *Плещеев*, *Иоффе*, *Троцкий*, *флот* и др.). Эти правила не получили, конечно, всеобщего признания. К тому же они не были утверждены высшим государственным учреждением и не имели силы закона.

Однако и в тот период, который не без основания можно назвать эпохой «звуковой смуты», многие языковеды и деятели культуры (Н. Ф. Яковлев, И. С. Капитонов, С. Г. Эпин, В. А. Мухин и др.) в связи с расширением двуязычия среди марийского народа и неослабевающим притоком в марийский язык русских и интернациональных слов последовательно выступали против фонетизации не только заимствований, но и собственно марийских слов. Их точку зрения разделял ряд авторов, которые, не считаясь с отсутствием в алфавите йотированных гласных и согласных *ф*, *х*, *ц*, *щ*, использовали их в своих произведениях и официальных документах при написании прежде всего послереволюционных заимствований и собственных имен существительных.

Противоборство двух течений по вопросам алфавита и орфографии заимствованных и исконных слов — правых, консерваторов и левых, радикалов — продолжалось вплоть до 1937 г.

Собравшаяся в январе 1937 г. Первая языковая конференция, связавшая вопросы графики и орфографии с проблемами развития литературного языка, декларировала узаконение в лугово-восточном марийском алфавите букв *ф*, *х*, *ц*, а также введение в него буквы *щ*. Однако решение конференции было половинчатым, из-за зашоренности составителей контрпроекта алфавита его совершенствование не доведено до логического конца: буквы *е*, *ю*, *я* остались за пределами марийского алфавита.

В начале 30-х годов XX века обсуждался вопрос о переходе марийского письма на латинскую графику. Если у многих народов латинизированная азбука сменила архаичные сложные системы письма (главным образом орнаментальную арабскую), то у марийцев, как и у многих финно-угров, начертание букв было довольно простое. Поэтому жизненной необходимости в коренной ломке алфавита в то время не было. Введение латинского алфавита для марийцев, которые живут в окружении русских и уже пользовались русскими буквами, нельзя считать обоснованным. К тому же смена графики в определенной степени тормозила развитие письма и требовала больших средств и переучивания огромной массы людей. Поэтому движение за обновление устоявшейся графики не было поддержано высшими республиканскими учреждениями и вскоре перестало существовать.

Начало четвертого этапа истории марийской письменности (1938 г.) ознаменовалось тем, что после тщательного исследования проблемы Комиссией по вопросу об орфографии и графике в состав марийского алфавита включены *е*, *ю*, *я*. Тем самым в вопросе о совершенствовании азбуки поставлены все точки над «и», наконец-то прекратились бесконечные споры.

В поправках нуждается и освещение И. Г. Ивановым (2003 : 114) четвертого этапа развития марийского письма.

1. Увеличение количества букв в алфавите за счет включения в него *я*, *ю*, *е* и уточнение орфографии весной 1938 г. И. Г. Ивановым расценивается как языковая реформа (2003 : 114). Говорить о реформе, однако, нет веских доводов, так как взятые из русской письменной системы *я*, *ю*, *е* находили применение в XVIII—XX вв. при написании не только заимствованных слов, но и исконных; об употреблении этих букв в случаях крайней необходимости говорилось в 1925-ом году в первом кратком своде правил письма и в грамматике марийского языка Г. Г. Кармазина (1929). Речь может идти лишь о наделении йотированных букв полным правом графического «гражданства».

Нет оснований расценивать установление единообразного правописания как реформу, т. е. как радикальное изменение орфографии. Следует иметь в виду,

что до 1938 г. не было орфографии, санкционированной высшим государственным учреждением и потому получившей всеобщее признание. Следовательно, речь можно вести лишь о систематизации, упорядочении орфографических правил, об устранении правописного разнобоя, который продолжался на протяжении последних 60—70 лет.

2. Одной из особенностей рассматриваемого этапа И. Г. Иванов считает «отказ от фонетического принципа письма» (2003 : 114). В этой связи надо пояснить: в лингвистике применяются следующие термины: фонографическое, т. е. буквенно-звуковое, письмо; фонетические написания, т. е. фонетический принцип правописания (на письме отражаются позиционные чередования фонем: *йогаиш* 'течь', но *йоктараиш* 'лить, заставляя течь'); фонемный, фонематический, фонологический принцип (или при петербургской трактовке понятия «фонема» — морфологический, морфематический принцип): буквами изображаются не реально произносимые звуки, а фонемы по их основному виду, т. е. независимо от позиции (*йогаиш* — *йоктараиш*). В 1938 г. не было отказано фонетическому принципу орфографии. Он продолжал «работать», но сочетался с главным — морфологическим (морфемным) принципом (*соваиш* 'дать пощечину' и *совкалаиш* [*сопкалаиш*] 'давать пощечину', *под* [*пот*] 'котел' и *подышто* 'в котле', *шотдымо* [*шоттымо*] 'бестолковый' и *тептердыме* то же, *тёшакге* [*тёшаккэ*] 'с периной' и *одеялге* 'с одеялом'; *явыгаиш* 'истощиться' и *явыктараиш* 'истощить', *тупишо* 'его спина' и *йолжо* 'его нога', *шупишо* 'пусть тянет' и *толжо* 'пусть придет'). Что касается орфографирования поздних и позднейших заимствований, то будучи условным, оно не определяется ни морфологическим принципом правописания, ни фонетическим.

3. Вряд ли можно согласиться с И. Г. Ивановым в том, что «в целом реформу 1938 г. следует рассматривать как шаг назад» (2003 : 114). В этой связи алогично его рассуждение (2003 : 114): «Именно на данном этапе был сделан самый значительный шаг в развитии» марийского письма.

4. Не безошибочно мнение И. Г. Иванова, согласно которому на четвертом этапе «вопросы марийского письма стали рассматриваться через призму русской орфографической системы, все делалось по образцу русского языка независимо от того, подходило это для марийского языка или нет» (2003 : 114). Это не совсем так. С учетом фонетической и грамматической особенностей марийского языка новые русские заимствования с конечным *-ия*, *-ие*, *-ое*, *-ее*, *-ея* решено писать так: *редакций*, *сочинений*, *диспетчерский*, *животный*, *подлежащий* (слова типа *эпопея*, *галерея* сохранили русскую орфографию), слова *запятая*, *накладная* и др. с ударением на втором слоге от конца утвердились в форме *запятой*, *накладной*; рекомендовалось писать *массовый литература*, *социалистический революций*, *школ пöрт* 'школьное здание', *колхоз мланде* 'колхозная земля', *воспитатлаш* 'воспитать', *служитлаш* 'служить', *села* 'село', *письма*, *шин* 'шина', *шпал* 'шпала', *пружин*, *пустынь*, *одеял*, *алимент*, *шашке*, *сутка* 'сутки' и т.д.

Свод орфографических правил, утвержденных Правительством Марийской Республики и Министерством образования Российской Федерации, сыграл важную роль в становлении графических и орфографических норм лугово-восточного марийского языка. Эти правила в основном отвечают всем тем основным требованиям, которые предъявляются к орфографии. Усовершенствованная система правил значительно упростила и облегчила письмо, обеспечила сравнительно быстрое и легкое усвоение грамоты на марийском языке. Проведенная работа по упорядочению письма отвечала требованиям времени, она привела алфавит и орфографию в соответствие с изменениями, происшедшими в культурной жизни марийского народа. Усовершенствованная система письма имела большое значение для дальнейшего развития марийского литературного языка. Унифицированные правила в значительной степени устранили разнобой, имевший место при написании одного и того же слова в русском и марийском языках. Все это способствовало улуч-

шению преподавания родного и русского языков учащимся-марийцам, облегчило усвоение марийского языка представителями русского и других народов. Словом, к началу четвертого десятилетия XX в. возрожденный марийский народ обрел упорядоченное письмо, способное удовлетворять его культурные запросы.

Отдельные положения марийской орфографии 1939 г. подвергались изменениям в 1949, 1954, 1972 гг.

В 1949 г. в алфавит внесена буква *ё* (конечно, под влиянием русского письма); количество заимствований с усеченным безударным конечным *a* достигло 13 (*газет, школ* и др.); рус. *вага* приобрело вид *ваге*; в *Россия, Азия* и др. усечен конечный *a* (*Россий, Азий*); корни слов типа *куржаиш* 'бежать' и *куршталаиш* 'бежать' оформлены по фонетическому принципу.

В 1954 г. количество заимствований с усеченным безударным *a* достигло 19 (*обезьян, рессор* и др.); в пяти словах безударный *a* превратился в *e* (*ватке, пачке, маске, лампе, ваге*); увеличилось количество заимствований с усеченными безударными *ы* и *я* (*бакенбард, кулуар, галантерей, галерей, статуи* и др.); правописание корней слов типа *куржаиш* и *куршталаиш* регламентировалось морфологическим принципом. Это незначительное новшество не подтверждает, что «наиболее заметные изменения претерпела орфография в 1954 г.» (см. Иванов 2003 : 114).

В орфографии 1972 г. количество иноязычных слов с усеченными безударными *a* и *o* увеличилось на девять (*парт, правил* и др.); с учетом гармонии гласных оформлялось теперь всего 32 слова (*банке, крошкo* и другие слова, в которых перед конечными *e* и *o* выступает более одного согласного); некоторые русские слова (не все) с конечным *-ок* оформлялись так: *окурко, списке* и др.; в середине корня или в его конце между согласными *д/т* и *р, в* и *р, з/к* и *р* в исконно марийских словах рекомендовано писать гласный *ы* (*шолдыра* 'крупный', *кутыраиш* 'беседовать', *авыраиш* 'окружать', *шйвыр* 'волынка', *ойгыраиш* 'горевать', *пйгыр* 'горб', *кoкыраиш* 'кашлять' и др.). Итак, в 1972 г. были внесены заметные изменения и уточнения в правописание как исконно марийских простых и сложных слов, так и поздних и позднейших заимствований.

Много нового, но не всегда продуманного внесено в орфографию 1992 г., санкционированную Советом Министров Марийской АССР. На этот раз Орфографической комиссией была сделана попытка усовершенствовать, кроме прочего, правописание всех поздних и позднейших заимствований, а также заимствований в будущем, разобраться в проблеме «слитно или раздельно», т.е. «одно, сложное слово или два слова». Увы, эти попытки не увенчались успехом. Решение двух стержневых вопросов орфографии встретило крайнее возмущение пользующихся письменным языком. Вот несколько примеров, по мнению редактора орфографического словаря 1992 г. и председателя Орфографической комиссии И. Г. Иванова, способствующих «сохранению языка как средства общения и культурного развития» и «оформленных в соответствии с фонетическими особенностями заимствующего языка» (2003 : 114): *полемик, панике, риторика; дисциплин, былине, медицина; моральне, реальне; пластмассе, масса; протоплазма, плазме; гидросфер, литосфера*. Следует ли эту научную вседозволенность рассматривать «как шаг вперед по пути демократизации марийского языка на современном этапе» (см. Иванов 2003 : 115)? Безусловно, нет.

Проблема «слитно или раздельно» в орфографии 1992 г. решена на уровне субъективных ощущений, произвольно. По мнению И. Г. Иванова, к типу существенных орфографических новшеств относится также «отражение такой важной особенности марийского языка, как наличие довольно большого пласта сложных слов» (2003 : 114). Данное суждение априорно и чисто умозрительно, не опирается на изучение фактов языка. По его убеждению, отраженному в орфографическом словаре 1992 г., *кйртныгольмо* 'железная лопата', *эргочкыш* 'утренняя еда' — *пйкенйол* 'ножка стула', *крапляпйй* 'зубцы грабель' — *чараголя* 'бедный (букв. го-

лая мышь)', *шалаумша* 'болтун (букв. разбросанный + рот)' — сложные слова. Как явствует из примеров, в один клубок, названный сложным словом, замотаны три разнородных явления: 1) свободные синтаксические сочетания, каждая часть которых наделена прямым, буквальным значением; 2) свободные синтаксические сочетания, вторая часть которых употреблена метафорически, в переносном значении; 3) именные фразеологические, несвободные сочетания. Есть ли разумное основание рассматривать новый подход к слитному написанию как шаг вперед? Бесспорно, нет.

Не касаясь проблемы создания общенародного марийского языка и его письменной нормы (это зависит, по-видимому, прежде всего от воли, внутреннего стремления к языковому единению заволжского марийского субэтноса), выскажусь о проблемах лугово-восточного марийского правописания, которые требуют безотлагательного решения.

1. Деятелей науки и культуры, воспитанных в духе любви к марийскому и русскому языкам, а также всех, кому не безразличен родной язык, тревожит вопрос о передаче на письме иноязычных слов и тем самым судьба родного языка. К настоящему моменту сформировалось даже течение, настойчиво добивающееся повального «маризирования» заимствованных и заимствуемых существительных и наречий с конечными безударными *a* и *o*. Вот такой новый марийский облик придан заимствованиям в правилах орфографии 2003 г.: *драме, новелле, рифме, юмореске, активне* — *прозо, одо, рото, белуго* — *гипербол, метафор, сатир, пауз, стилистик*. И. Г. Иванов даже полагает, что «необходимость приспособления заимствований к фонетической системе марийского языка объясняется стремлением к ч и с т о т е (выделено нами — Г. Л.) языка, к сохранению фонетической и грамматической структуры марийского языка [---] Не может быть жизнеспособным язык, в котором тысячами употребляются слова с чуждой фонетической структурой, оформленные по правилам чужой орфографии» (см. Иванов 2003 : 116). Исследователи всех жизнеспособных, совершенных (но не чистых) языков тех народов, которые слушают радиожурнал «Между Волгой и Уралом» (татарского, башкирского, чувашского, коми, эрзянского, мокшанского, удмуртского, горномарийского), не ищут национальной специфики произносительных норм, не увлекаются фонетической обработкой слов, заимствованных в наше время. Они рекомендуют произносить и писать их, как и в русском языке, осознавая роль русского языка как средства межнационального общения, а также то, что при усиливающемся билингвизме говорящих одинаковое написание слов, общих для родного и русского языков, позволяет экономить время и энергию при овладении грамотой на двух языках.

И. Г. Иванов, стремясь убедить читателей в целесообразности фонетической обработки заимствований, приводит слова *йжара* 'заря', *кйсле* 'гусли' и др. (2003 : 116), не придавая значения тому факту, что эти и подобные слова (слов, значительно изменивших свой облик, по моим подсчетам, более 170) были освоены марийским языком в раннюю эпоху устным путем, т. е. через разговорное общение, в условиях контакта с носителями русского языка. В XX же веке в связи с усилением коммуникативной роли публицистики, средств массовой информации, языка науки заимствование осуществляется преимущественно через письменные источники, поэтому не случайно значительная часть новой, иноязычной лексики — слова книжные. Заимствованные слова, обогащая лексику марийского языка, не вредят его самобытности и, кроме того, неизменным остается присущий ему грамматический строй. Аналогичной точки зрения придерживаются исследователи всех тюркских и восточных финно-угорских языков. Кстати сказать, татарскому и удмуртскому языкам свойственно фиксированное ударение, падающее на последний слог слова, однако орфография новых заимствований не приспособляется к акцентным особенностям татарского и удмуртского языков, говоря иначе, не усекается, как в утвержденной в 2003 г. марийской орфографии, безударный

конечный гласный, ср. тат., удм. *авантюра, антилопа, афиша, акула* и мар. *авантюр, антилон, афиш, акул*. Думается, что данное новшество, которое можно рассматривать как проявление марийской моды, не получит всеобщего признания и канет в Лету.

2. И. Г. Иванов сомневается в целесообразности употребления в марийских словах букв *е, ю, я*, которые прочно закрепились в письме. При этом он пользуется аргументом Г. Г. Кармазина, высказанным в «Тезисах к докладу об орфографии, фонетике и морфологии лугово-восточного наречия марийского языка» (Йошкар-Ола 1936), не ссылаясь на него, и продолжает: «Если для звукосочетаний *йэ, йа, йу* имеются отдельные буквы, то почему нет специальных знаков еще для шести подобных сочетаний *йо, йä, йö, йи, йы, йй*? Ответ прост: потому что нет таких сочетаний, а следовательно, и букв в русском языке» (см. Иванов 2003 : 116). Эти рассуждения следует пересмотреть.

Первое, для обозначения звукосочетания *йо* в русском языке имеется буква *ё*, первоначально служившая для обозначения ударного звука *о* после мягких согласных и появившаяся в русском алфавите в конце XVIII века (ее ввел Н. М. Карамзин). Эта буква в русском письме не получила широкого распространения вплоть до наших дней: ее написание не считается обязательным. Не получившая в русском языке широкого распространения, она употребляется в современном марийском письме в начале трех слов (*ёлка, ёжик* — мужская прическа, *ёри* — щетка для чистки бутылок), в середине слова она обозначается в специальных текстах (*каскадёр, лётчик*). Вместо нее пишется *йо* (*йол* 'нога', *койо* 'он показался').

Второе, между *йö, йй, йы* (в лугово-восточной нормативной фонетике нет звукосочетаний *йй, йи, йä*) и буквами *я, е, ю, ё* нет никакой взаимозависимости, они представляют собой совершенно разнородные явления.

Третье, *йандар* 'чистый' и *янтарь, коя* 'жир' и *соя, йэр* 'озеро' и *еврей, мийэм* 'приду' и *проект, Йул* 'Волга' и *ювелир, Майук* 'Маруся' и *каюта, ньанья* 'хлеб' и *няня, имньэ* 'лошадь', *лыувык* 'неряха' и *улюг, сюжет, изюм* являются «неудобоваримыми» для пишущих, так как сосуществуют два подхода к письму: один — для написания марийских слов, другой — для оформления русских заимствований.

Четвертое (внешний фактор), наших соседей-чувашей несколько не смущает сосуществование в одной системе письма йотированных гласных (*яка* 'гладкий', *ют* 'чужой', *ен* 'сторона') и сочетаний *йä, йö* (мар. *йы, йй*), *йй, йы* (*йäран* 'грядка', *йётён* 'лен', *ййте* 'дряхлеть', *йынаш* 'стонать'). Почти аналогичное явление имеет место в татарском языке.

Итак, следует сказать, что буквы *е, ю, я, ё* введены в марийский алфавит не без необходимости, что введение букв *е, ю, я* не ошибка «реформы» 1938 г., что алфавитно-графические новшества, претворенные в жизнь в 1937—1938 гг., являются одним из образцов творческого отношения к письму, что здравомыслящие аналитики далеки от мысли расценивать отрицательное отношение к йотированным буквам как проявление националистических взглядов.

3. И, наконец, несколько слов о перспективах проблемы «сложное слово или два слова?». Эта проблема в марийском языке предельно запутана. И положения анализируемой статьи вызывают много критических замечаний. Достаточно обратить внимание читателей на несколько квазикомпозит: *шордывуй* 'голова лося', *шордыпоч* 'хвост лося', *подпундаш* 'дно котла', *шыданложаш* 'пшеничная мука', *йппунымаш* 'плетения косы', *туракорно* 'прямая дорога' (композиции Ю. В. Андуганова (1985)), и становится ясно, на какой ступени познания природы сложного слова находится современное марийское языкознание.

Неверно мнение И. Г. Иванова (2003 : 117), что при исследовании сложного слова в марийском языке «на первый план зачастую выступает апеллирование к языкам с совершенно иной структурой, что естественно ведет к необоснованным

выводам». Проблему сложного слова в марийском языке можно решить лишь с учетом основополагающих положений общей лингвистики, которые должны находить применение при исследовании языков разных семей и различных морфологических структур.

По мнению И. Г. Иванова, в марийском языке благоприятные условия для образования сложных слов, создаются его агглютинативной структурой (2003 : 117). Благоприятствует, конечно, не агглютинативный строй языка, не особенности строения слова, а то, что в марийском языке связь зависимого слова с главным в словосочетании и предложении зачастую осуществляется посредством примыкания, что облегчает их образование не только в агглютинативных финно-угорских и тюркских языках, но даже во флективном русском (*глубокоуважаемый, низкооплачиваемый, долгоиграющий, вечнозеленые*). Сращение в марийском языке продуктивно, однако словосочетаниям *пу пöрт* 'деревянный дом', *кўвар она* 'половая доска', *школ пöрт* 'школьное здание', *янда завод* 'стекольный завод' нет никаких оснований придавать статус сложного (слитного) слова. Такой подход к композитам может свести на нет субстантивные словосочетания с зависимым словом — существительным.

Последующие рассуждения И. Г. Иванова (2003 : 117) вызывают недоумение. В русском словосочетании *железная дорога* его компоненты якобы связаны способом согласования, в действительности же связь между ними не взаимонаправленная, а односторонняя (субординативная), зависимое слово грамматически уподобляется главному; компоненты «композицы» *кўртньыгорно* 'железная дорога' тоже не взаимосвязаны, она наделена не одним ударением; речь нужно вести лишь о связи зависимого слова с основным в словосочетании, а также о наличии в длинном слове *кўртньыгорно* двух ударений — главного и побочного. Все эти замечания, быть может, не столь важны. Существенно другое: номинативно-терминологическая единица принята за сложное слово. В этой связи уместно привести оригинальное суждение А. А. Реформатского: «Железная дорога (*кўртньы корно* — Г. Л.) — несвободное лексикализованное сочетание, где *дорога* (*корно*) — 'не дорога', а *железная* (*кўртньы*) — не 'железная', поэтому нас несколько не смущает такое предложение: *Пионеры построили деревянную железную дорогу*» (1967 : 122). Фразеологическая единица *кўртньы корно* 'железная дорога' обозначает единое понятие вида транспорта. Между прочим во многих финно-угорских и тюркских языках эквиваленты мар. *кўртньы корно* пишутся раздельно: удм. *чугун сюрес*, эрз. *кишинь ки*, коми *кöрт туй*, чув. *чукун çул*, тат. *тимер юл*, узб. *темир юл*, казах. *темир жол* и др.

И. Г. Иванов заявляет, что «особых сложностей в определении сложных слов нет», что «проблемы как таковой не должно быть: если слово сложное, оно оформляется как одна лексическая единица, т. е. как отдельно фиксируемое самостоятельное слово, но именно здесь начинаются все недоразумения с оформлением сложных образований» (2003 : 117). Нельзя согласиться с таким мнением. Проблема есть, она многоаспектна и вызывает недоразумения. Не случайно не одно поколение маристов пыталось решить этот самый сложный вопрос, а дело ощутило вперед не подвинулось.

Еще одно принципиальное замечание. «Марийский литературный язык зародился примерно 250 лет назад», — пишет И. Г. Иванов (2003 : 112). На мой взгляд, здесь передается забвению азбучное положение об атрибутах литературного языка: он должен быть в определенной степени обработанным и фонетически, лексически, грамматически нормированным. В первых ростках марийской письменности разве может идти речь о нормированности и обработанности? Не думаю. Более того, между первыми памятниками письменности и возникновением литературного языка, думается, нельзя ставить знак равенства.

ЛИТЕРАТУРА

- А н д у г а н о в Ю. В. 1985, Мут але мут сочетаний?, Йошкар-Ола.
И в а н о в И. Г. 2003, Вопросы марийского письма. История и современность.
— LU XXXIX, 112—117.
К а р м а з и н Г. Г. 1929, Марий йылмэ лончыш I—II, Йошкар-Ола 1929.
П а т р у ш е в Г. С. 1958, Из истории изучения марийского языка. — Ученые
записки Марийского государственного педагогического института, т. 16,
Йошкар-Ола, 3—28.
Р е ф о р м а т с к и й А. А. 1967, Введение в языкознание, Москва.